

Таким образом, книга Гривеца и Томишича — удобное пособие, содержащее основные источники по истории солунских братьев. Подробные указатели облегчают пользование текстом.

На стр. 184 в прим. 5 Гривец останавливается на вопросе, вызывавшем много споров и для нашего читателя представляющем особый интерес. Речь идет о трактовке жития Константина VIII, 15, где упомянуты «евангелие и псалтирь, росьскы писмень писано» (см. стр. 109 и разночтения на стр. 111). Гривец без аргументации отбрасывает точку зрения русских лингвистов, видевших в «русских письменах» алфавит восточных славян. Труды советских ученых, рассматривавших этот вопрос, не упомянуты вовсе¹. Сам Гривец склоняется к гипотезе Р. Якобсона, предложившего конъектуру «сурскими», т. е. сирийскими. По мнению Гривеца, Константин владел еврейским языком и поэтому легко мог начать говорить по-сирийски.

Однако и эта гипотеза (не подтверждаемая, кстати сказать, ни одной из 32 рукописей) не дает удовлетворительного решения вопроса: ведь, согласно житию, Константин различал «гласная и съгласная» — вправе ли мы говорить о гласных сирийского (арабского?) алфавита?

Вопрос о «русских письменах» пока остается нерешенным. Одновременно с книгой Гривеца и Томишича появилась статья А. С. Львова, вообще считающего этот пассаж поздней вставкой².

А. К.

S. MAZZARINO. SI PUÒ PARLARE DI RIVOLUZIONE SOCIALE ALLA FINE DEL MONDO ANTICO?

«Il passaggio dall'antichità al medioevo in occidente. Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo», IX. Spoleto, 1962, p. 410—425

В небольшой статье итальянский исследователь С. Маццарино вновь поднимает вопрос о социальной революции в конце истории античного мира. Он обращает внимание на то, что позднеримские и ранневизантийские писатели обычно проходили мимо событий, носивших революционный характер. Так, в маздакитском движении они не увидели ничего, кроме религиозной борьбы, кроме манихейства; социальные требования маздакитов ускользнули от них, кроме попытки Кавада ввести общность жен. «Если бы у нас не было других источников о маздакизме, кроме византийских, — пишет Маццарино (стр. 414), — мы бы ничего не знали ни о коммунистических требованиях в области экономики, ни вообще о социальном содержании маздакитского движения».

Маццарино останавливается на ряде событий, которые он рассматривает как проявления социальной революции. Он выступает против попыток Сомая, Бриссона и Диснера пересмотреть оценку движения циркумцеллионов как формы социального протеста — оценку, восходящую еще к Августину, современнику событий (стр. 418 сл.). Специальное внимание он уделяет движению рабов (стр. 420 сл.).

Согласно *Expositio totius mundi*, указывает Маццарино, в IV столетии особенно много рабов было в Паннонии и Мавритании. И это естественно, ибо Паннония и Мавритания были пограничными провинциями, где постоянные стычки с варварами служили источником поступления новых рабов в империю. Именно в этих областях на рубеже IV и V вв. прокатываются антиримские восстания: в Мавритании в 397 г., в Паннонии в 406 г., причем население Паннонии рассматривало варваров как освободителей.

Итальянский исследователь указывает и некоторые иные проявления народного недовольства и затем замечает: «Все факты, которые мы рассмотрели — деятельность Тотилы в Италии, движение циркумцеллионов в Африке, *hostes Pannonii* в 406 г., — все это подлинны революции низов (*vere e proprii rivoluzioni dal basso*)» (стр. 421).

Но Маццарино не ограничивается тем, что отмечает отдельные факты движений народных масс: он ставит вопрос и о сущности социальной революции, и — если пользоваться нашей терминологией — о гегемоне этой революции. По мнению Маццарино, экономический прогресс в Поздней Римской империи состоял в освобождении деревни от города (он усматривает это, в частности, в появлении сельских *nundinae*). Это порождает странное на первый взгляд явление — установление солидарности интересов колоннов и патронов (стр. 416).

Вместе с тем невыносимое бремя податей приводило к тому, что колонны выступали в большей степени против государства, нежели против своих *domini*. В таких условиях у них оставалось два пути: либо — подобно багаудам — подняться на вос-

¹ См. в последнее время: В. А. И с т р и н. 1100 лет славянской азбуке. М., 1963. Там и литература вопроса.

² А. С. Л ь в о в. Старославянское *книги — боукъзы*. — КСИС, 28, 1960. стр. 69.

станции как против государства, так и против патронов, либо же вступить на стезю вассалитета, отдаться под частную власть патронов (стр. 424).

Первый путь окончился поражением. Багауды натолкнулись на солидарность колонов и господ, на сопротивление церкви; патроны использовали против них отряды варваров. «Революция низов, — заключает Маццарино, — не имела успеха. Новую историю творили не багауды, но вассалы» (стр. 424).

Революция, все-таки совершившаяся на Западе, привела к упрощению социальных градаций, сложившихся в Поздней империи: грань между *laeti* и горожанами (*civiales*) исчезает. Но не леты поднимаются до статуса куриалов, а куриалы лишаются своих преимуществ и сближаются по положению с летами. «Деревня победила город», — так заключает Маццарино (стр. 425).

Можно было бы сделать автору ряд упреков. Его терминология неточна: дело не только в том, что не следует говорить о *movimento comunista* маздакитов (стр. 413), но и основное понятие статьи, «революция», автором не определено. Что он понимает под революцией — социальный переворот или просто вооруженное выступление? Связь между обилием рабов в Паннонии и Мавритании и антиримскими выступлениями в этих провинциях остается весьма проблематичной, ибо об участии рабов в движениях 397 и 406 гг. мы ничего не знаем. В советской историографии — вопреки Маццарино — никто никогда не утверждал, будто в Римской империи совершилась *una rivoluzione proletaria* (стр. 423).

Однако дело не в подобных погрешностях. Ценность статьи Маццарино — в поисках тех экономических и политических сдвигов, которые привели к сокрушению античного мира и созданию средневекового, феодального общества. Интересна мысль Маццарино об экономическом подъеме деревни — за счет города. Любопытна и другая его мысль, хотя и неточно выраженная: накануне краха античного мира старый господствующий класс в состоянии выкачивать прибавочный продукт из непосредственных производителей преимущественно в форме государственных налогов; отсюда и вырастает ненависть колонов к рабовладельческому государству как к коллективному эксплуататору (Маццарино называет это солидарностью колонов и их господ, что, конечно, неудачно). Интересна и тенденция разграничить народные движения III — V вв.; нельзя ли предположить, что специфика восстания багаудов связана с тем, что они действовали в остальных областях империи, где широкие массы еще только втягивались в эксплуатацию сенаторского землевладения?

Особенно же важна, на мой взгляд, попытка установить, какая социальная группа явилась носителем нового — хотя, к сожалению, Маццарино не дает четкой характеристики тех «вассалов», которых он считает творцами средневекового общества.

А. К.

CONCILIORUM OECUMENICORUM DECRETA

Friburgi, 1962, p. XXIII+792+72*

Болонский богословский институт (Istituto per le scienze religiose) издал сборник постановлений вселенских соборов католической церкви — от I Никейского собора 325 г. до Ватиканского собора 1869—1870 гг. Сборник подготовлен редакционной коллегией в составе Дж. Альберико, П. Иоанну, К. Леонарди и П. Проди при участии Г. Едина. Сборник содержит критический текст постановлений (по новейшим изданиям) на греческом и латинском языках [в некоторых случаях приводятся и тексты на восточных языках — например армянская версия постановления Ферраро-Флорентийского собора об унии с Арменией (стр. 510—535)]. Материалам каждого собора предшествует небольшое введение на латинском языке, содержащее внешнюю характеристику событий, предшествовавших созыву собора, и описание его деятельности, а также краткую библиографию. Литература на русском языке не учитывается. Книга завершается подробными указателями.

К истории Византии относятся, помимо первых семи соборов, также IV Константинопольский 869—870 гг. (антифотиянский) и Базельско-Ферраро-Флорентийский 1431—1445 гг. Соборы, не причисленные западными канонистами к вселенским (так называемый Разбейничий собор в Эфесе 449 г. или Фотиянский собор 879—880 гг.), по традиции не включаются, хотя по существу они имели вселенское значение. Видимо, страсти, бушевавшие свыше тысячи лет тому назад, еще не улеглись окончательно.

Во введениях, как правило, не затрагиваются существо споров, проходивших на соборах. Например, во введении к материалам I Никейского собора ариане даже не упомянуты, словно в центре внимания этого собора не стояла арианская проблема и сформулированный на этом соборе символ веры не был направлен против ариан. Первые ариане упоминаются в связи с I Константинопольским собором (стр. 17), но определение ариан («те, которые представляли себе божество раздельным на несколько естеств») не касается ни социальной, ни философской стороны этого движения.